

Инна Анатольевна Швед
(Брестский государственный университет)

Птица и человек: некоторые сценарии взаимоотношений в мифопоэтической традиции Белорусов (на общеславянском фоне)

Введение

Сегодня, когда научно-технологический подход к проблеме взаимодействия человека и природы постепенно сменяется диалогическим, возрастает интерес к глубинным основаниям бытия культуры, “внутренним” смыслам традиционной культуры, ориентирующим человека на сотрудничество с природой, равноправный диалог с ней. Соответственно в центре внимания этносемиотики, фольклористики оказываются “субъект-субъектные” отношения человека и природы, “отприродная”, в частности “птичья” составляющая человека. Важная роль в этом плане принадлежит изучению соответствующего фрагмента мифопоэтической картины мира белорусов, в частности реконструкции сценариев взаимоотношений между птицей и человеком, которые базируются на комплексе народных представлений о птицах и их связях с людьми. Продуктивность такой реконструкции может быть обеспечена историко-генетическим изучением материала, ориентирующимся на диахроническое и парадигматическое рассмотрение представлений о взаимоотношениях птиц и людей, которое дополняется функционально-семантическим исследованием. При этом важным представляется учет толкований явлений культуры, так либо иначе связанных с птицами, носителями самой этой культуры. Без учета “нормативной

Исследование проведено в рамках задания “Структурно-типологические параметры кодов мифопоэтической картины мира белорусов (по фольклорным записям XIX-нач. XXI вв.)”, выполняющегося по Государственной программе научных исследований “История, культура, общество, государство 1.4.07” на 2011 – 2015 гг. по заданию “Народное творчество в социокультурных условиях современной Беларуси: региональное многообразие и межславянские связи фольклора и постфольклора”, № госрегистрации 20140200 от 14.03.2014.

герменевтики культуры” (слова Виктора Тэрнера) практически невозможно найти ответы на вопросы о том, какие мифологемы стоят за фольклорными образами птиц, какова прагматика бытующих и по сей день в традиционной культуре соответствующих текстов, какие сценарии и связанные с ними нормативные предписания и ценностные ориентиры оказываются предпочтительными во взаимоотношениях человека с птицами. Поскольку поверья, относящиеся к птицам, пронизывают самые разные сферы традиционной культуры, различные стороны жизни ее носителей и актуализируются во многих фольклорных, ритуально-коммуникативных и речевых жанрах, то в данной работе к анализу привлекается материал народных поверий (дающих основную массу сведений о таких персонажах, как птицы) в связи с фольклорной и мифо-ритуальной традицией белорусов. При необходимости используются некоторые славянские источники.

Интерес к народным представлениям о птицах устойчиво сохраняется с самых первых шагов развития славянской фольклористики (укажем на словари славянской мифологии М.И. Попова, М.Д. Чулкова, С.Н. Глинки, А.С. Кайсарова). Он реализовался как в сфере собирательской деятельности и публикации экспедиционных материалов, так и в первых попытках включения этих данных в научные разыскания о славянских древностях, при этом отдельные работы посвящались мифологической символике определенных птиц в разных видах и жанрах фольклорной традиции различных славянских народов. Поскольку историографию данного вопроса всесторонне осветил известный исследователь кода животных, в том числе птиц, в славянской культуре А. Гура, сделаем отсылку к его основательной монографии¹. Отметим только, что народным представлениям славян о птицах, орнитологическому коду мифопоэтической модели мира белорусов и других славян, кроме названной монографии, посвящены исследования белорусских (Е. Боганевой, Т. Володиной, С. Санько, Л. Соловей, И. Швед, в частности их статьи в энциклопедическом словаре «Міфалогія беларусаў»²) и зарубежных, в первую очередь российских, исследователей (Л. Виноградовой, А. Плотниковой, С. Толстой и др.), которые опубликовали специальные статьи в этнолингвистическом словаре “Славянские древности”³. Анализ материалов, содержащихся в работах названных и некоторых других ученых, позволяет утверждать, что человек традиционной культуры продолжает по сей день вести диалог с миром птиц и других представителей природно-космической сферы. И этот диалог базируется на довольно древних представлениях о птицах как “значимых других”.

Взаимодействие человека с птицами как “значимыми другими”

В контексте народных представлений о диффузном взаимопроникновении человеческого и не-человеческого начал, их «взаимобратимости» и взаимозависимости, необходимости поддержания и творческого участия не-

¹ А.В. Гура, *Символика животных в славянской народной традиции*, Moskwa 1997, s. 9-13.

² *Міфалогія беларусаў. Энциклапедычны слоўнік*, оргас. І. Клімковіч, В. Аўтушка, Мiнск 2011.

³ *Славянские древности. Этнолингвистический словарь*. Т. 1-5, Moskwa, „Международные отношения 1995-2014”.

человеческого мира в жизнедеятельности социума без ритуального обращения к не-человеческому, в том числе «птичьему», немислимы никакие более-менее важные начинания, преодоление энтропийности, ликвидация любого кризиса в мире человека⁴, в частности путем ритуального обмена, в основе которого обычно лежит логическая формула «я даю тебе, чтобы ты дал мне». Например, на Благовещение, 7 апреля, ритуально встречали аистов словами: “Наш Яша прылецеў у госці”. Взрослые люди при виде первого аиста перекачывались по земле и просили: “Надзелі, бусечко, здороеўем”⁵. Чтобы обеспечить благополучие в предстоящем году, белорусы пекли хлебцы (иногда в виде ноги аиста), выносили их на улицу и в ситуации контакта с птицей-медиумом – центральным обрядовым персонажем – обращались к ней как к подателю благ: «– Бусько, бусько, на тоби галёпу, // Дай мыни жыта копу» [ФЭАБ⁶; Лесники Дрогичинского р-на]; «Маты робыла хлябцы і частавала малых дзяцей, у выглядзе бараны (хлопчыкам), сярпа, буславых лапак (дзяўчынкам). Носылы іх у кішэні, а як побачаць бусня, крычалі: “Бусён, бусён, на тубі лапкы, а нам здуров’е. Шоб жыто родыло, шоб пшаньця була на всякую долю, шоб було іх вволло і тому бідному “каліке”, шо нэ можэ сам зрубывты» (ФЭАБ; Кустын Брестского р-на). На русско-белорусском пограничье (Западная Брянщина) к прилету ласточек готовили выпечку в виде этих птиц с раскрытыми крыльями, см. характерную поговорку: “Когда ласточка прилетит, тогда и весна будет” (ФЭАБ; Селец Березовского р-на). В связи с идеей дарообменных отношений между человеком и птицей показательны также кормление птиц остатками ритуальной трапезы. В заговорах от бессонницы птицам-помощникам (в частности, курам, петухам) в обмен на спокойствие ребенка может предлагаться угощение – хлеб-соль. Мотив кормления птицы – посредника между мирами – ради получения знаков судьбы эксплицитно присутствует в матримониальных гаданиях в Рождественский период, “на Каляды”. При этом действия курицы (часто именно черного цвета, взятой из чужого сарая) или петуха трактовались как ориентированные на ожидания девушки узнать срок своего замужества. Прогнозирующая ситуация в таких случаях создавалась самими девушками, которые начинали определенное действие и “предлагали” закончить его птицам, сообщение же адресовалось гадающим девушкам: «Бралі зерно і клалі нэвэлікімі кучамі на пол, потым пускалі курьщю ў хату, даўлей глядзелі: до чые кучы одразу побэжыт курьща, тая [девушка] хучэй замуж пойдэ» (ФЭАБ; Дягелец Березовского р-на); “Вжэ, о того, то курьщю зайдэмо злапайімо до кого там в сарай, чужую, і того, пшанэцы насэплымо. Ну, з якэйі вжэ купочки будэ істы – з тэйі дзёб, з тэйі дзёб, з тэйі обырнулася – і всё вжэ” (ФЭАБ; Погубятичи Брестского р-на). Кучки зерна могли раскладывать перед курицей и петухом: если зерно какой-либо девушки клевал петух, ожидался ее брак в текущем году, а если курица – “будешь сидеть” [ФЭАБ; Люта Брестского р-на]. И девушки, и птицы в таких контекстах являются

⁴ Więcej patrz: И.А. Швед, *Об архаической модели “луди-птицы” в белорусском фольклоре*, [w:] “Вучоныя запіскі Брэсцкага дзяржаўнага ўніверсітэта імя А.С. Пушкіна. Ч. 1. Гуманітарныя і грамадскія навукі”, выд. 9, 2013, s. 250–258; И.А. Швед “Архаическая модель «человек – не-человеческие формы жизни» и постдуализм” (w druku).

⁵ А.В. Гура, *Символика...*, s. 110.

⁶ ФЭАБ – Фольклорно-этнографический архив учебной фольклорно-краеведческой лаборатории БрГУ им. А.С. Пушкина (руководитель – проф. И.А. Швед).

полноправными участниками коммуникативного акта со своими специфическими функциями (у птицы она посредническая). В совершенно другом амплуа, хотя с той же посреднической функцией, курица выступает в гадании на исполнение желания: “Повечеряй курицей. Косточки положи на красный лоскуток за калиткой своего дома. При этом проговори: “То, што было в яйце, // То, што вышло из яйца, // Што по двору гуляло // И пшено клевало, // То, кому голову рубили, // С лапшой варили, // То, чем я повечеряла, // Чьи кости из плоти изъела, // Скажи мне: // Быть моему желанию в исполнении или нет? // Что зародилось в яйце, завтра дай ответ”. Теперь походи загадавши желание. Утром посмотри: если костей нет на месте – собаки растащили или коты, значит, желание не исполнится. Если снегом замело, значит, желание тебе надо забыть. Если кости на прежнем месте, но одна или несколько в стороне, это означает, што сначала дело ваше пойдет на лад, а затем расстроится. Если все-все кости целы и на том месте, где ты их оставила, всё будет, как тебе хочацца, желание исполнится” (ФЭАБ; Ивацевичи Брестской обл.). Этот гадательный обряд (видимо, испытавший влияние книжной традиции – гадательных книг по костям, внутренностям животных) интересен, среди прочего, тем, что актуализирует довольно древний мотив “рождения, жития и смерти расмтений и животных”, в данном случае домашней птицы.

В ряде магических контекстов птицы выступают совершенно пассивными объектами, которые принимают на себя вместо человека деструктивное воздействие демонизированных болезней, сглаза, испуга, птицы, как в заговорах-изгнаниях: “Пойшлы вроки на сороки, // Аляки на собакы” (ФЭАБ; Дружиловичи Ивановского р-на).

Но чаще взаимоотношения птицы и человека в мифопоэтической традиции белорусов базируются на представлении о птице как о особо отмеченном субъекте, нечеловеческом участнике взаимодействия, который наделен сакральным статусом. Например, упоминаемому уже аисту приписывается святость, генетическая связь с человеком и особенности последнего: у птицы человеческие пальцы, она имеет душу (оставшуюся с тех пор, как аист был человеком), молится Богу (клекотом), любит и ревнует партнера, отличается моногамностью, привязанностью к потомству, аисты наказывают аистиху за супружескую неверность и т.д. О психической персонификации, связанной с представлениями о происхождении аиста от человека, свидетельствует следующий пример: «Был случай в Спорово, тоже сделали буслы гнездо на сарае, а дед думает: возьму я в это гнездо положу гусиное яйцо, да пусть он выведет мне. Он положил, когда никого не было, потом прилетели. И что-то бусел с этой буслихой начали драться. Оказывается, он начал её ревновать. Чего? Потому что они несут по 3–4 яйца, и яйца гусиные ж отличаются от аистовых. И, короче, он начал ревновать, что она нагуляла это яйцо, и он её дзёбал, дзёбал. И она, бедная, поднялась высоко и упала сразу и разбилась. И то тоже было этому деду, что яйцо положил!» (ФЭАБ; Спорово Березовского р-на). Психические свойства приписываются традиционным сознанием многим другим птицам, например вороне – глупость, журавлю – неверчивость. По точным наблюдениям А. Гуры, щебет ласточки воспринимается как проявление веселья или беззаботности, крики чибиса – беспокойства и любопытства, пение горихвостки – хвастливости. Противопоставление хищных птиц безвредным, кротким (в том числе, домашним) проявляется в белорусском поверье, что если

смешать перья хищных птиц с перьями домашних и лесных нехищных птиц и набить ими подушку, то перья хищников будут вытеснять остальные, которые будут постоянно лезть из подушки, пока в ней не останутся перья одних хищных птиц⁷.

Восприятие птиц как равноправных (а, возможно, и более могущественных) партнеров по коммуникации, наделенных психическими свойствами, возможностями понимать речь человека и реагировать на нее, лежит в основе коммуникативной модели “птица–человек”. Примером реализации такого сценария взаимоотношений может быть практика, зафиксированная на русско-белорусском пограничье, когда женщины, потерявшие близких, уходят в лес “причитать с кукушкой”: услышав кукушку, которая сама подлетает к такой женщине и начинает “подголашивать”, она начинает общаться с птицей, причитая и выплакивая ей свою боль, выпрашивая новости с того света о своих близких, прося передать им привет⁸.

Каков же звуковой язык коммуникации между птицей и человеком? Человек мог вести диалог с не-человеческим коммуникантом – птицей – как на своем языке, так и подражать языку птиц. Так, в ряде ритуальных ситуаций человек прибегал к имитативной магии, переходил на язык птиц (обычно домашних), подражая их голосам (с целью воспроизведения того, что олицетворяют эти звуки). Фонетические подражания крикам птиц используются как подзывные и отгонные формулы, в приглашениях, подманиваниях птиц фигурируют определенные подзывные междометия. Любопытно также представление о том, что человек может овладеть языком птиц и других представителей природного мира при определенных условиях, например отыскав цветок папоротника, посредством глотания-съедания чего-либо. Так, в сказочных текстах человек узнает язык растений, животных и птиц, отведав ту или иную пищу, например уху из змеи. Чаще всего человек обращался к не-людям на своем языке, предполагая, что “хитрый” (термин традиции – ‘мудрый’) адресат в состоянии его понять и адекватно отреагировать. «Птички то хитрые. У нас была такая птичка: сама большая, а клюв таки длинный и всё сначала прилетала к нам. “Чего ты к нам прилетаешь, птичка, чего ты к нам пришла?” Я гоньла ей, а та зноў прилетит. Говорю: “Чы на добро, чы ты на плохое, птичка жэ?” И смотрю на нее. Так пару дней прилетала...» (ФЭАБ; Лешлевка Брестского р-на).

С другой стороны, акустические проявления птиц метафорически соотносятся с различными человеческими звуками (пением, смехом, хохотом, плачем, свистом, визгом, хрипом, стоном, причитанием, ворчанием, говорением). Голоса некоторых птиц характеризуются традиционным сознанием различных славянских народов как пение, отчего целая группа птиц носит название певчих; смех совы пророчит рождение ребенка, пугач (филин) не к добру кричит, хохочет; к поре сенокоса кукушка хрипнет; голос кулика в загадке уподобляется плачу⁹. Птицам приписывается владение человеческой речью, их крики осмысливаются как произносимые ими тексты. Пение жаворонка высоко в небе воспринимается как

⁷ А.В. Гура, *Символика...*, s. 79.

⁸ Tamže, s. 112.

⁹ Tamže, s. 81.

молитва Деве Марии, разнообразные крики сойки толкуются как речь на каких-то незнакомых языках, например, по болгарскому поверью, сойка говорит на семидесяти семи языках; щебет ласточки и некоторых других птиц описывается в загадках как иноязычная речь: немецкая, татарская, турецкая, латинская. Голоса птиц воспринимаются как различные словесные возгласы и целые тексты: оклики, вопросы, просьбы, требования, угрозы, проклятия, обвинения, насмешки, издевки, предостережения и прочие сообщения. Например народно-этимологическое осмысление крика ласточки, связанной в мифопоэтической картине мира белорусов с мотивами прядения, ткачества, вязания, шитья, следующее: “Круці ніці!”. При этом речь птиц может иметь общие черты с речью нечистой силы, в частности – удвоение реплик. Например, согласно полесским материалам, ворон обвиняет в краже: “Украў! Украў!”. В ответ на карканье в Гомельской области, чтобы отвести от себя подозрение, следовало сказать: “Я не краў, я за сваі грошы купляў”. Этот же мотив связи ворона с кражей представлен в белорусских проклятиях: “Няхай на таго вораны кракаюць, хто кажа, што я ўкраў”. В Витебской губернии карканье ворона, пролетающего над стадом, предвещает скорое нападение волка на стадо¹⁰ – ту же кражу, только со стороны хищного животного.

Согласно многочисленным фольклорным материалам, представители птичьего мира могли непосредственно воздействовать на жизнь людей. Действенной (созидательной, оплодотворяющей, или разрушительной) магической силой наделялись звуки птиц: по украинскому поверью, сойка своим криком выкликает, выманивает душу тяжело больного человека, по польскому – кулик, бродя по берегам рек, скликает утопленников¹¹. По сообщениям из Глубоцкого р-на, “сава, як кугакаець, яшчэ баба не бярэменная, усё-роўна накугакаець”; “тады ўжо гэта птушка дзюбкай б’ецца [у вакно], відаць, сора забярэць яго [хворага чалавека] гэта птушка”¹².

Своеобразным диалогом между птицей и человеком можно считать их бытие, которое сопровождается постоянным обменом реплик, представленном не обязательно в вербальном коде. В этом плане интересны опекунские и контролирующие функции птицы в отношении человека и его хозяйства, вестничество птицы. Так, повсеместно на Беларуси известно поверье, что поселившийся на доме аист (или ласточка) оберегает дом от молнии и пожара, вообще аисты – к счастью: “Очень к счастью, калі буслы селяцца на дом. Говорят очень птицу нельзя трогать” [ФЭАБ; Белоозерск Березовского р-на]; “Если буслы селятся на доме – это счастье. А если покидают дом – это уже к несчастью” (ФЭАБ; Леплевка Брестского р-на). Согласно поверьями Витебщины, перо аиста изгоняет из дома блох¹³. “Колы ластовка зов’е гнёздо на хаты, то будз’е добрэ ў сэм’і, о. То мне так маты казала. У нас было гнёздо под стрэхой” (ФЭАБ; Конотоп Ивановского р-на). Такие поверья непосредственно коррелируют с предписаниями, имеющими положительную мотивировку, – в одной из частей описывается

¹⁰ Там же, s. 536, 534.

¹¹ А.В. Гура, *Звуки и голоса животных в традиционных народных представлениях*, [w] *Слово и культура. Памяти Н.И. Толстого*, Moskwa 1998, s. 96–97.

¹² *Полацкі этнаграфічны зборнік, вып. 2, Народная проза беларусаў Падзвіння*, cz. 2, oprac. А.У. Лобач, У.С. Філіпенка, Noworołock 2011, s. 327.

¹³ А.В. Гура, *Символика...*, s. 90.

благоприятный результат выполнения правила человеком, другая же часть может интерпретироваться как адресованная птице реплика, причем представленная знаками различной физической субстанции, например: “Шоб в доме был достаток, надо, когда первая ласточка прилетит, кинуть ей чуть-чуть земли, шоб она себе гнездо построила” (ФЭАБ; Полкотичи Ивановского р-на). Передачей желательного сообщения выступает бросание земли отправителем сообщения “птичьему авторитету-попечителю”, расположения которого старались добиться, а ответом на него – построение гнезда получателем сообщения и достаток в доме. Чтобы приманить аиста, в Белоруссии и Польше ему в гнездо подкладывали зеркало, металл, сахар, кусок красной ткани¹⁴. Соответственно, покидание птицей гнезда на доме интерпретируется как зловещий знак, в частности является предвестием пожара: “Колы ластовка збудовала гнэздо, а потым його покнула, то тая хата згорыгь” (ФЭАБ; Конотоп Ивановского р-на). Такой знак может быть предельно абстрактным – беда: “Колы ластовка покінэ гнэздо, то будэ нейка бэда. Лепш з дому пойтi куды-небудь, шоб бэда нэ зачэпіла” (ФЭАБ; Конотоп Ивановского р-на). Эта примета интересна тем, что в ней прямо указан способ избежать несчастья.

Человек традиционалистской культуры не просто все время рефлексировал птицу как партнера по взаимодействию, но и рассматривал смысл своего поведения для этого партнера, прогнозировал ответ на свое поведение, т.е. результаты “обратной связи”. Благополучный исход ситуации контакта птицы с человеком может трактоваться как жизненно важный и для отдельного человека, и для всего коллектива. Причем, именно птица часто выступает значимым персонажем – оценивающим, реагирующим на нарушение правила человеком. Согласно многочисленным фольклорным свидетельствам, в том числе современным, «добрым» либо «злым» (обычно мстящим) птичьего партнера делают качества самого человека, проявленные в его поведении как отправителя текста (в семиотическом значении); птица, отвечая на поведение человека, награждает либо наказывает его. “Согрешившего” человека, согласно традиционному кодексу правил, базирующемуся на принципах “ответственности” и “взаимности”, постигает наказание, возмездие за грех, невыполнение правил, непочтительное отношение к птице. При этом пренебрегший интересами птиц человек может выступать и как существо социальное (хозяин дома, земледелец, скотовод и др.), и как “биологическое” (ухудшается состояние здоровья, внешность нарушителя правил). См. показательные в этом плане запреты и их мотивирующие части: “Нельзя бурить гнэзда ласточек, потому что канопушки будут. И ласточка – Божья птичка” (ФЭАБ; Люта Брестского р-на); “...Ну... веснушкы будутъ, если, конечно, гнездо тое попортыш, то будутъ такие веснушкы” (ФЭАБ; Подлужье Брестского р-на); “Аістам нельга вредіть, таму што яны могуць прынесці якую-небудзь палку ці ўгалёк і могуць спаліць дом” (ФЭАБ; Большая Турна Каменецкого р-на). Согласно многочисленным текстам (но не всем), наказание за грех, невыполнение правила исходит от в общем благожелательных птиц, чьими интересами пренебрег человек: “Нельзя рушыць бусліныя гнэзды, таму што бусел берёт костёр, як шо горіт, бярэ голывеньку, веточку і её несёт, поджыгае хаты” [ФЭАБ;

¹⁴ Тамże, с. 110.

Кобелка Брестского р-на]; “Кулы бусён зробіць гныздо на хаты, то будэ дустаток у сям’і. Разбураты гныздо бусня – вылькі гріх, бо то вэльмэ опасно. Гавораць, шо у одный нозе ў бусня огонь, а в другуй – вуда. В удплату за рузбуранэ гныздо можэ прынэсты гулувешку на стрэху і подпальты хагу. А шчэ гіршыі гріх – забыты бусня. То тое ж самэ, шо забыты чулувіка, бо він сам пуходыць уд чулувіка” (ФЭАБ; Кустын Брестского р-на). Мотивирующая часть последнего приведенного запрета убивать аиста интересна тем, что запретное действие толкуется с точки зрения его мифологического смысла – аист произошел от человека. Последствия нарушения запрета людьми часто толкуются в зависимости от их основной хозяйственной деятельности: “Ны можно ласточкины гнёзда разбураты, кажуть, шо ласточки улыгять і дожді унысуть. І нэ будэ урожаю” (ФЭАБ; Радовня Ивановского р-на); “Нельга ластовку забіваты, бо, кажуть, скотына ўся подохне” (ФЭАБ; Конотоп Ивановского р-на). Отметим, что птицы в таких контекстах хотя часто выступают существами, по отношению к которым человек совершил проступок, “обиженными” персонажами и субъектами ответного возмездия в адрес спровоцировавшего конфликт человека, но не адресантами самих правил. Важно также подчеркнуть, что наказание может постигнуть человека и без непосредственного участия “божьей птушки”: “Если разбурить гнездо бусла, что на доме, то дом спалит перун” (ФЭАБ; Селец Ивацевичского р-на).

В очень разных контекстах поведение птиц прочитывается как знаковое. Так, согласно так называемой “народной Библии”, по поведению голубей древние люди узнали об окончании потопа: “Ніколі жылі людзі, а потом вжэ быв потоп, і потым шукалі людзі той каўчэг, вон зроблены з такога дрэва, шо вон нэ загнів. І тогды той Ной, вон людэй взяў у той ковчэг і два голубкі. І вось яны плылі, скрозь була вода, нэдэ сушы нэ було – заліло водою, потом вжэ ж вон значыт выпускаў тыя галубкі, яны полеталі ды зноў прылечелі на той каўчэг селі, бо нэма сушы. Шы воны далей плылі і зноў вон выпускаў тыя галубкі, але воны вжэ нэ вэрнуліса, ды понялі воны вжэ, шо суша е. І вжэ многу тысяч лет прайшло после того потопа” (ФЭАБ; Огородники Березовского р-на).

Но наиболее часто знаковость поведения птицы мотивирована ее функционированием как медиатора между миром людей и иным, нечеловеческим миром (кстати, в антимиры птицы не летают и не поют, причем это является его характерной чертой в многочисленных заговорах типа “Одлучы, Господи Боже, от (імя), вітёр, вытрыско лыгучый, падучый, выхряный, водяный, костяный, рожаный, межовый, наставный с кости, с крыві, коб кості ны крутыло, крыві ны сушыло, на быстрыі воды, на гнылыі колоды, дэ пташкы ны лытають, ны співають. Там тобі впасты, пропасты, (імя) здорыве, прыбуток, тіхий сон дайтэ” [ФЭАБ; Рудковка Ивановского р-на]).

Птица воспринималась вестницей из природно-космического мира, того света, которая владеет информацией о всех стадиях “перехода” человека: его рождении-появлении в этом мире, заключении брака и смерти-уходе на тот свет, а также о различных сферах деятельности человека. Причем одна и та же птица может сообщать человеку о любых из этих “переходов”, изменяя свои акустические знаки: “Птічка була, называла еі пугкач. Еслі мае хто вмэрті, то він прылыгтыть, на крышы сядэ і будэ страшным голосом “Пуууть, пуууть”. Будэ крычаты – будэ обязательно покойнік. А еслі мае народытыся – прылыгтыть і будэ

крычаты “Куввы, куввы”. У мынэ був хлопец, я ёго ны вэльмы любыла. Прыльгтів той пугач, сів і засмеявся тры раза, як человек. Я пойшла до бабкы, вона мні кажэ: “До тыбэ прыйдэ хлопец, і ты ёго ны захочэш”. Так і було: прыйшов до мынэ хлопец, ёго батько прыводыв, а мынэ аж сміх порвав, і я засмеялася» (ФЭАБ; Вильямовичи Брестского р-на).

Согласно многочисленным материалам, для того, чтобы ожидать новостей-изменений, достаточно как реально увидеть появившуюся у человеческого жилья птицу, так и “видеть во сне птицу”. Например, увиденная во сне каркающая ворона сулит смерть. “Сніўса мне сон. Значыць, сяжу я на порозе каля хаты, чысцо кортоплю. Прылятае на вішню воробей і так о: “Чырык-чырык”. Я ёму кажу: “Ну, шо ты хочаш?”, а он: “Чырык-чырык”, і полетел. Я і забыла про сон, як чэрэ тры дні прыносяць мне пісьмо. Дочка пішэ, шчо прыйдэ на Новы рок, о» (ФЭАБ; Селовщина Березовского р-на). Особое внимание может уделяться вторжению птицы в какой-либо локус обитаемого человеком пространства – появление в саду, дворе, около дома (на нем, в нем). При этом акцент делается на предикативных признаках, как на локативных и темпоральных характеристиках, так и на “поведении”, позе птицы. “Як птушка без прычыны залеціт у сені, чы стукнэ ў акно, то трэба ждаці новасці” (ФЭАБ; Михновичи Березовского р-на); “Если в окно залетела ласточка, то скоро будет известие от человека, которого давно не видел” (ФЭАБ; Селец Березовского р-на); “Воробей в дом – к известию. Если воробей ударится в окно, то это тоже к известию» (ФЭАБ; Селец Березовского р-на); «У нас обычно говорят, когда птица стукнула в окошко, обычно какое-то известие. Она ж не скажет хорошее или плохое. Обычно когда стукнула говорят: “Вот какое-то известие”» (ФЭАБ; Погубятчи Брестского р-на). Важное значение может придаваться “уровню” и частоте вторжения птицы в обжитое человеком пространство: “Если птица постучится, значит, какое-то известие будет. А если залетит, то у нас говорят, что это плохо, то значит, это будет покойник” (ФЭАБ; Погубятчи Брестского р-на); “Калі птушка часта б’ецца ў акно – к нябожчыку” (ФЭАБ; Микитск Дрогичинского р-на); “В мэнэ так было, шо от там як в Лютуй, о, вмырла, эта, Маня. Свыкруха вжэ була там коло ейі. І думаю, я сыжу в комноте, а пташка стукнула: “раз, два, трэ”. Думаю: “Господі, а шо ж то такое?” Я ны заметіла, якая то пташычка, ну, стукнула і всё. Потом прыйжджае і кажэ: “Маня вмырла”. Свыкрушына дочка. Ну, от то, хто юго знае” (ФЭАБ; Погубятчи Брестского р-на).

Благоприятный или неблагоприятный характер прогноза может зависеть от того, какая именно птица посетила очеловеченное пространство: “Кулы шось нядобрэ, то ворона скаче, а як сорока, то гэто вжэ ліпшыя новости” (ФЭАБ; Медно Брестского р-на); “...пташка стукнула в окно: я сыджу, чую “стук”, я гледь – пташка сыдыгь, а в ей такой начос, такой грэбынь. А гэто був дэнь, як моя маты умырла. А потым думаю: ну якэсь известіе будэ” (ФЭАБ; Глинно Ивановского р-на). Часто содержание подобных текстов описывается с помощью набора универсальных семиотических оппозиций типа “день/ночь”, “верх/низ”, “близко/далеко”, “сидеть/лететь” и т.д., и это, видимо, связано с довольно высоким уровнем мифологизации повседневности. Например, «если снится, что сокол в небе летает, то сплетничать будут. А если снится, что на руке сидит, то счастье будет» (ФЭАБ; Селец Березовского р-на). Особое значение придавалось первой в наступившем году встрече человека с птицей: “Як вэсною ўбачыш пэршы раз бусла як стоіт,

чы ходзіць по полі, то будут болей ногі ў гэтым году, а як обачыш котары леціт, то будэ легко ходзіці, як летаці” (ФЭАБ; Михновичи Березовского р-на); “Калі бусел ляцеў, значыць, ты будзеш лёгка цэлы год: будзе здароўе, будзе быстра бегаць, хадзіць, а, еслі будзе седзячы, значыць, будзеш тожа такі больш спакойны, павольны” (ФЭАБ; Тальминовичи Ляховичского р-на).

Поведение птиц часто коррелирует с матримониальной сферой жизни человека, и здесь особенно значимым выступает свивание гнезда – “как птица вьет на доме девушки гнездо, так и девушка вскоре совет свое семейное гнездо”: «Если воробей свил гнездо на крыше дома, значит, нужно ждать женихов» (ФЭАБ; Селец Березовского р-на); “Если ласточка построит свое гнездо на доме незамужней девушки, то она в скором времени выйдет замуж» (ФЭАБ; Селец Березовского р-на); “Як обачыш (першы раз вясной) бусла ў гнёздзе, то до добраго сямейнага жыцця” (ФЭАБ; Михновичи Березовского р-на); “Як першы раз відзіш бусла (дзяўчына), як ён ляціць з вырая вясной, у пары, значыць будзе пара, замуж выйдзе і парэнь харошы будзе, еслі адзін (бусел), значыць будзеш адзінокім” (ФЭАБ; Тальминовичи Ляховичского р-на). В приметах-прогнозах множество птиц на крыше ассоциативно может связываться с множеством гостей на свадьбе: “Як на крышы хаты збыраецца мнью ворон – хутко у гэту хату будэ свадьба” (ФЭАБ; Молодово Ивановского р-на). В связи со сказанным интересны свадебные песни, где вороны и сороки обозначают свах, приехавших за невестой. Так, перед тем, как жених выкупал невесту у ее брата, пели: “Ой наіхалэ сватэ // Из-за Дунаю, // Из далёкага краю. // Як пілэ-запівалэ, // Настаську намовлялэ: // – Пидэш, Настаська, з намэ, // Тобі лучшэ ў нас будэ, // Як возьмуць тэбэ людэ. // “Геша”, сороке, с хатэ, // Годэ вам шчэбэтатэ, // Наіхалэ воронэ // З чужэі сторонэ. // Ой забарныя свахэ, // Забарэлыся в хатэ. // Хлопцы конэ покраплэ, // До плота прывязалэ. // Ныма тобі, Иванко, сорома, // Шо тэ стоіш дэлэко от стола: // Чі ны можэш ручэнка купетэ, // От братынька сэстрэцю купеты?” (ФЭАБ; Радостово Дрогичинского р-на). Появление во время свадьбы позитивно оцененных традиционным сознанием птиц предвещает благополучие молодых: “Если ласточка кружит над головами молодых, то будут они жить долго в достатке и счастье» (ФЭАБ; Селец Березовского р-на). Возможно, в таких контекстах эксплицитно присутствует восприятие позитивной информации о счастье как результате действенной помощи “хороших” птиц, наделенных опекунскими в отношении человека функциями, а не просто как предсказания – счастье новой семьи уже как бы смоделировано и “поддерживается” птицами.

Но чаще птица транслирует определенное сообщение в звуковом коде (который взаимопересекается с акциональным, пространственным и др.). Например, в Барановичском районе верят, что кукование птицы на яблоне перед домом незамужней девушки предвещает, точнее означает, свадьбу. Причем нередко это звуковое сообщение птицы выступает ответом на вопрошание человека. Широко известно диалогическое общение девушек с кукушкой при гадании по кукованию птицы о том, сколько лет им осталось до выхода замуж, при этом реальное речевое поведение человека-исполнителя содержит либо сформулированный в уме вопрос, либо прямую вербальную форму – традиционную формулу вопроса-обращения к птице: “Кукушка, кукушка, сколько мне осталось до свадьбы? – [спрашивали] дзети, ну дзевачки. Тая, шо куёт раз...

“ой, шэ довго”, котора мало – то: “ой, вжэ замуж выйдзет””. Старики вопрошали птицу о количестве лет, которое им еще отведено для жизни, точнее – спрашивали птицу о сроке наступления своей смерти: «...Ну, а старые ужэ [спрашивали] сколько жыць осталось» (ФЭАБ; Белоозерск Березовского р-на). Птица через акустический знак посылала, таким образом, сообщение на запрос гадающего. Толкование же зависело от интенции исполнителя – сформулированного вопроса. Отметим, что источником знания кукушки о сроке наступления смерти человека может быть сам Бог, т.е. адресантом сообщения является Бог, а посредником в передаче сообщения – птица: «Раньше абы весна – кукушка: “ку-ку”, в этом году я ещё не слышала. А раньше, как выйдешь в огород, а они обычно вот где дерево. Когда я была ещё моложе, спрашивала: “Кукушка, кукушка, скажи, сколько мне лет [жить]?” И вот она начинает: “Ку-ку”, а мы считаем, и вот получается, может, это от Бога или что, и вот накаукает сколько мне тут предстаёт...» (ФЭАБ; Погубятичи Брестского р-на).

Верят, что кукование кукушки может как предвещать смерть человека, так и указывать на это событие как на уже произошедшее, оповещать о нем окружающих: “[Говорят, что птица может предсказывать смерть?] – Ек пора літняя, то зязюля. Гондэ у Бабы однэй, дочка умэрла, я пасвыла гусы, шэ мні шість літ було, можэ, сім. Я пасвыла гусы каля канавы. Гэто Мыкола був. Прылытліла пташка і так куде, так куде. Людэ прогоняць, а вона знов куде. Я потым пошла в хату до іх, то на мынэ казалы: “Ой, Насця, пырыдай то батьковы”. Гэто шоб я шо сказала, шоб батьковы мойму сказала. Ну шо я там знала, шо казаты тому батьковы. Я ныц, я там побула да і побігла до гусэй” (ФЭАБ; Глинно Ивановского р-на). Хотя очень многим птицам приписывалась вестническая функция, но лидером в этом плане, вероятно, следует считать кукушку. В связи с приписываемой кукушке функцией предсказания, вестничества (в сферах жизни/смерти, брака/безбрачия, богатства/нищеты), интересно возникновение прозвища «Кукушка» у женщины-ворожеи, «хорошо» гадающей на картах: «Девочкі, і вуружінне справляйціця. Слухайтэ, тутака в нас удна прійіхала пулячка, а тут уднэйі сэн, вжэ юго мілы ну садувэты за рышотку. Вуна ду мэнэ прыходыць, тая баба Манька, і кажэ: “Олька, пашлі ду Кукушкі, мні трэба пувуружэты”. А я кажу: “Пашлі”. Заходым мэ тудэ далій, ду тэйі Кукушкі. Вуна рускінула карты юй і кажэ: “Хм, – дэвіцця на ейі і кажэ, – шо-то вашуму сэнувы предстуіт казённый дом”. А вуна сразу сбэліла, тая Манька. Ну, і так о далій трэ разы рузлужэла і кажэ: “Він будэ в казённум думові, но я, – кажэ, – ны мугу пунняты”. Казённый дом – і бульніца, то ж так ворожка ны скажэ, і казённый дом – тюрма. А я ійіі тулкаю: “тюрма будэ” (бо він там удному всадэв штахету в голову, з гоздём, свадьба була, і юго за тое судэлы). О, ну далэ мэ юй по трэ рублі, на старэйі грошы. І я юй кажу: “А пувуружітэ мні, шо мэнэ вперэді ждэ”. Вуна рускладуе карты і кажэ мні: “Ду тэбэ будэ траплятыся мужэк червенный, він жывэ зара вэймэ далёко, но він через пару літ прійідэ і ты будеш з іім жэты”. Я думаю: “Шо вуна плытэ тая баба, дэ червенный, в світы далёко жывэ і він прійідэ сюдэ і будэ зу мною жэты?” Вэйшлы мэ на двір і я юй кажу, тый бабы Маньцы, кажу: “Ну Вам то сказала правду, а мні не, – кажу, – червенный, в світы будэ сюдэ іхаты?!” І, девочкі, пруйшло, мусыть, ны знаю скілько літ, і точно. Прійіхав о ду матыра Мішка [будучы муж]. (Мурузьок Костя пас курувэ і він пас калхозны курувэ. Прыходяць вунэ в вэчурэ убэдва). Той Костя кажэ: “Олька,

я тубі прывів Мішку, я, – кажэ, – хучу вас спаруваты. Тэ удна, дукіль тэ будэш удна, тубі удный тяжко, – кажэ, – хазяйство дыржэш, двое свынэй, курова, куры, всё, сама всё робыш”. Я кажу: “А я ду руботы прывэчна, – я кажу, – я быз руботы ны мугу, о, – а я кажу, – а начёрта я юму сдалася, шо він ліпшыый ны найдэ?”. А він кажэ: “Знайш шо, я бы тэбэ ны пруміняв бы на якую-ныбудь такую упіёшу, як тут е бабэ, – кажэ, – тэ хазяйка добра, тэ ны запывайісся, нычого, хазяйство добрэ выдэш, тэ всё рубэты вмійш”. Ну, і всё так пугувурэлы, посля той Мішка знов прышов. Ну, і так він пружэв, той Мішка, в мэнэ дваццыть удён год» (ФЭАБ; Вильямовичи Брестского р-на). Коль речь зашла о “птичьих” прозвищах людей, то их возникновение могло иметь и иные мотивировки, например: “Какие у вас тут прозвища интересные были? – Были... Уже этих людей нет, но... Боцёнок. Он живет возле болота здесь у нас, а там аисты. А по-деревенски “буслы, боцёны”. Ну и как-то “Боцён-Боцён”” (ФЭАБ; Зводы Брестского р-на).

Наделенные медиативной функцией птицы включены в парадигму календарного времени, они предвещают определенные события, сигнализируют о необходимости начала различных действий, как правило, полевых работ, что требует от человека соответствующей корректировки своего поведения (и/или поведения птиц). Так, с пением прилетевшего жаворонка начинают пахоту, первый крик удода весной означает, что пора сеять бобы, крик перепелки возвещает начало жатвы¹⁵. Появление/исчезновение голосов некоторых птиц, как часто отмечается в литературе вопроса, считается универсальным маркером границ календарного цикла, средством измерения времени и структуризации хозяйственного календаря. С определенными календарными праздниками связано появление/исчезновение птиц, что отражено в многочисленных паремиях типа: “На Спас – полэтыть буські од нас” (ФЭАБ; Мотоль Ивановского р-на). Для кукушки определяющим является мотив появления весной и исчезновения осенью. В Беларуси широко известно представление об удалении этой птицы высыпанным ячменным (ФЭАБ; Збирогі Брестского р-на) либо другим зерном на Петров день, “жнивю”, “касавіцу”, когда созревает ячмень, жито и она перестает куковать: “А пра кукушку сами знаете – она туда-сюда за чужой счёт. Ну, говорят, кукушка нарожала и покидала, так люде говорят. Кукушка начинает куковать в мае, а сейчас косы звенят, зерновые, и она перестаёт куковать, потому что удавилась зёрнами, вместо того что бы детей растить, она сама наклевалась – аж удавилась!” (ФЭАБ; Погубятичи Брестского р-на); “Як жялы жыто самы, то потом робылы снопы такіе – ляшкі, і ставылы. То вона [кукушка] сама вжэ нэ прэлэтыть” (ФЭАБ; Люта Брестского р-на). К этому же периоду календаря относят сезонное превращение кукушки в козодоя или ястреба, “шуляка”, “каршуна”, который уже не кукует, а таскает молодяк домашней птицы, причем информанты могут подчеркивать, что знания об этой метаморфозе появились недавно, благодаря “открытиям ученых” (ФЭАБ; Березовский р-н). Исходя из таких поверий, можно предположить, что вредоносная активизация птиц имеет календарную приуроченность. Мотив прекращения кукования кукушки на Петра представлен в петровских пяснях, паремиях, а также обыгрывается в песнях брачной тематики, где кукушка соотносится с невестой, например: “Мынае, зозуленка, мынае //

¹⁵ А.В. Гура, *Звуки...*, s. 96.

Да Петрівское куванне: // Куда хотіла – лыгыла, // Дэ сіла-пала, кувала. // Мынае, мынае дівочкое куванне: // Куда хотіла – ходіла, // Дэ с кім ны стала – кувала, // Музыкі заграюць – гуляла” (ФЭАБ; Хомск Дрогичинского р-на). Соответствие сезонных изменений в природе (маркируемых прекращением кукования кукушки) и в человеческом коллективе, жизни девушки (кототая ассоциируется с этой птицей) утверждается в песнях типа: “Да Пятра зязюльцы кукаваці, // Да восені дзеванькам пагуляці, // Пятро пройдзе – зязюля ў вырай пойдзе, // Восень прыйдзе – дзеванька замуж выйдзе...” (ФЭАБ; Збироги Брестского р-на). Зафиксированы также представления о прекращении пения кукушки на праздники Ивана Купала или Спаса. Считают, что после окончания пения кукушка прячется (часто в капусте) от птиц, желающих отомстить ей за подкидывание яиц в их гнёда (ср. представления о высиживании яиц кукушки соловьями), либо от самца – “зозуля”.

Если исчезновение кукушки связывается с концом летнего сезона, то ее прилет маркирует начало весенне-летнего сезона, приурочивается к Пасхе или Благовещению, когда на Брестчине выпекают из теста “зозульку”. На Беларуси, как и в других областях Славии, известны представления о кукушке, запевшей раньше времени (“на голый лес”), как предзнаменовании голодного, неурожайного года, голода, падежа скота. Плохим знаком считается и отсутствие денег в кармане человека, который впервые в году слышит кукование кукушки. Появление (первое кукование) весной кукушки провоцирует такие магические действия человека, как трясение деньгами с целью разбогатеть. Косвенно такие представления связывают кукушку с темами плодородия, богатства. Звуковое поведение кукушки и в начале, и в конце летнего сезона прочитывается как знак будущего: “До Пэтра бывае [куе зязюля] дві нідлы ілі посла Пэтра дві нідлы шэ куе. А еслі раньше кіне, яка-то будэ восэнь: ну, чы хороша, чы плохая. Як доўго, ой, зозуля доўго кувала, о, будэ осэнь хороша, еслі послэ Пэтра, а Пэтра – это двенаццагата [ліпеня]” (ФЭАБ; Лешлевка Брестского р-на).

В весенних песнях различные птицы включены в ряд живых существ, активизирующихся в связи с наступлением тепла, причем относительно птиц обычно внимание акцентируется на их звуковом поведении: “Вол бушуе – вясну чуе, // Свіння рые – корань чуе, // Баран бляе – у поле хоча, // Курка сакоча – знесціся хоча, // Воран крача – сыра хоча, // Дзеўка плача – замуж хоча” (ФЭАБ; Куровщина Березовского р-на). Широко известны календарные приметы, метеопрогностические и агрономические приметы, основанные на наблюдениях за поведением птиц с акцентом на ситуативно актуальной для человека информации. Характерно, что информация, транслируемая птицами, обычно не сопряжена с отчетливой ее оценкой, и для ее дешифровки особую актуальность получают оппозиции типа “верх/низ”, “рано/поздно”, “молчание/звучание”, “пассивность/активность” и др., например: “Как низко ласточки летают, то, говорят, как дождя нет, а птица начнёт низко летать..., вот старые люди староверы говорили: “Ой скоро будет дождь, потому что птицы низко летают”” (ФЭАБ; Вильямовичи Брестского р-на); “Колі гусі дзюбы ховаюць, то гэто на мороз” (ФЭАБ; Соколово Березовского р-на); “Птушкі садаюць на вярхе дэрэвьюў – до тэпла” (ФЭАБ; Сворынь Дрогичинского р-на); “Колы рано прылятаць ластаўкі, то будэ добрэ жыго” (ФЭАБ; Селец Березовского р-на); “Колы бусёл у гнызді клокачыць,

то погода добра будэ” (ФЭАБ; Остромечево Брестского р-на); “Як бусэнь на комэн устанэ на одной нози тожэ холод будэ” (ФЭАБ; Спорово Березовского р-на); “Як прыляталі (буслы) яшчэ перад Благавешчаннем, значыць эта к ранней вясне, после Благавешчання – к позняй вясне” (ФЭАБ; Тальмінавічы, Ляхавіцкі р-н). “Кодом” сообщения выступае высота и траектория полета птшцы, например: «Летит [аист] по кругу – хорошая погода» (ФЭАБ; г. Иваново); “Низкий полет воробья над землей означает приближение дождя” (ФЭАБ; Селец Березовского р-на). Широко растиражирован прогноз на погоду и урожай по яйцу, выброшенному аистом из гнезда: “Неколі тута клуныя стояла, то тут кубло робылі. Штыры птушкі высэдывалы. Одне воны выкідалі, альбо яйца, альбо тэе птэшэнятко выкінут. Кажуть, яйцо то нічога, а як птушэнятко – будэ голодны год” (ФЭАБ; Ивановский р-н). Значимыми для метеопрогноза считались и предметы, которые аист носит в гнездо: “Як бусэнь нэсэ в дзюбовэ розочку, полинцэ – будэ погода, тепло, а як нэсэ сина чы гэтай... травы – будэ холод” (ФЭАБ; Спорово Березовского р-на).

Поскольку воробей остается “зимовати”, то он становится в этот период для традиционного сознания почти единственным источником метеорологической информации, сообщающим об изменениях в погоде. Он зачастую является предвестником непогоды (дождь (затяжной)/снег, буря/мороз): “Як пуйдэ дошч, а вжэ в туй лужі купаіця воробей – знай, шо будэ продолжный дошч. Будэ ітэ дошч” (ФЭАБ; Спорово Березовского р-на); “Когда зимой воробьи начинают подбирать перышки, то будет сильный мороз” (ФЭАБ; Селец Березовского р-на). По характеру деятельности воробья в определенное время суток судили об отсутствии/наличии тех или иных осадков: “Если утром воробьи носят ветки и выют гнездо, до вечера дождя не будет” (ФЭАБ; Селец Березовского р-на). В зимний период объектом наблюдения становилось место расположения воробьев, их стремление укрыться ближе к человеческому жилью естественным образом связывалось с ожиданиями плохой погоды: “Перед бурей воробьи прячутся под крышу дома или сарая” (ФЭАБ; Селец Березовского р-на).

Особое внимание в традиционной культуре, как отмечалось выше (см. о “путькаче”) уделяется изменению голоса птиц, в том числе воробья. Это касается и метеорологических представлений: “Одна птчка на погоду ціўкае інакш як на холод ілі дождь. Но это надо почуть” (ФЭАБ; Барановичи Брестской обл.). Таким образом, характер издаваемых звуков становился критерием для конкретных предсказаний погоды, соответственно, для правильной дешифровки кода важным является учет всех нюансов звучания: “Если воробей громко чирикает по весне, значит, скоро будет оттепель” [ФЭАБ; Селец Березовского р-на]; “Воробей шчэбечэ – одліга будзе” (ФЭАБ; Ольшаны Столинского р-на); “Зимним утром воробьи громко расчирились – будет снегопад” (ФЭАБ; Селец Березовского р-на). Возможно, птицы не просто “знают” об изменениях в погоде, но и вызывают, “призывают” их, просят у Бога о дожде: “Если увидишь, что воробьи в стаю собираются и громко кричат, то будет через три дня сильный ливень. Мама говорила, что они будто бы дождь призывают, но я точно не знаю. Слышала такое” [ФЭАБ; Селец Березовского р-на]. В районе русско-белорусского пограничья считают, что канюк “канючит” (кричит “Пить, пить! Чаю, чаю!”) перед дождем, т.е. как бы вызывает дождь. Данное представление связано с хорошо известным в Полесье поверьем, что коршун пьет только дождевую воду и просит дождя. О

прогнозе погоды человек мог непосредственно вопрошать птицу: “Бусел, бусел лети через колоду, Расскажи нам про погоду”¹⁶.

Между тем, сами прогнозы различного характера, производимые птицами, часто не зависят от человеческого волеизъявления. В любом случае важную роль при построении коммуникативной ситуации “птица-человек” играет следование со стороны человека выработанным традицией правилам отбора и интерпретации значимых звуков, а также нормам поведения в рамках контакта с птицей. Вслед за интерпретацией актуальных для человека посланий птицы-медиума обычно следовала определенная реакция человека, который, как считалось, своим ответным актом может в корне изменить ситуацию в свою пользу. Так, кукование негативно аксиологизированной птицы-медиума – кукушки – около дома интерпретируется как безусловно зловеющий знак, поэтому, боясь дурных вестей, кукушку стараются прогнать. Во многих традициях “пение курицы петухом” трактуется как предвестие беды, поэтому человеку в ответ на кукарекание курицы предписывается совершить действие превентивного характера – отрубить ей голову и произнести заклинание, смысл которого в том, что курица пела не на его, а на свою голову. Но иногда человек неверно расценивает конкретные сообщения не-человеческого партнера, в чем птица (уже не на своем, а на человеческом языке) упрекает человека во сне: «Еслі курыца запяець, дрэнна. Кажуць, тады нада галаву ёй адсякаць, каб не на бяду. Курыца сматра як, і на бяду, і на вяселле пяець. Мужык вёз жыта першы воз. Ну і вароты былі закрытыя, так ён каня аставіў, адкрываць вароты, а курыца “гоп” на вароты і запяяла. Ён як даў гэтай курыцы! І ўбіў курыцу гэту. Тады яму ноччу сасніўся сон: “Ты ж загубіў маіх дзетак”. А яна сядзела і выседзела цыплят, як мы ета завем – бахуры. І яна ўжо з радасці [запяяла], што ён вязець і будзе чым цыплят карміць. А ён забіў. А тады знайшлі ў хляве цыплят, выйшаўшы ўжо» (ФЭАБ; Зеленки Мядельского р-на).

В Полесье верят, что стук воробья в окно предвещает горе (которое, видимо, из потустороннего “заморского” мира приносит негативно аксиологизированная птица-медиум). Услышавшему стук предписывалось не принимать негативное сообщение и вместе с ним беду. Наиболее эффективным способом отстаивания своих интересов считалось в этой ситуации специфическое вербальное поведение человека, который должен был напрямую обратиться к персонифицированному горю и его “переносчику” – воробью (имеющему, как и другие птицы, волю и сознание) с посылом в виде нейтрализующей формулы с императивами “иди, неси” (в дальнее пространство): “Горэ, нашэ горэ! Іды за сынэ морэ! Гарабей-пташка, як бы тобі ны было цяжко, нэсы нашэ горэ за сынэ морэ, за білы хвалі, далэкі далі” (ФЭАБ; Борки Пинского р-на). В таких и многих других контекстах имплицитно содержится представление о том, что птицы могут выполнять пожелания людей, испрашивая при этом помощи как у Бога, так и у нечистой силы. Например, рассказывая о праздновании Благовещения, информатор объясняет, зачем птиц выпускали на волю: “Ційі птахі просяць шчэстя, удачі в Бога тому, хто іх выпустыў” (ФЭАБ; Ковердяки Брестского р-на). Согласно заговору “на приручение парня»,” птица выступает медиатором между человеком и нечистой силой: “...Попрошу я белого кречета: слетал бы он в чистое поле, в синее море, в

¹⁶ А.В. Гура, *Символика...*, s. 555.

крутые горы, в темные леса, в зыбучие болота и попросил бы он окаянную силу, чтобы дала она ему помощи..." (ФЭАБ; Дягелец Березовского р-на).

Многочисленные обращения в устнопоэтических текстах адресованы птице как медиатору, участвующему в реализации человеком его сценария жизни и соответствующих "переходов", например она уносит атрибут невесты после заключенного брака: "Эй, чырачка-птачка, не залятай далечка, // Не занасі майго венчыка, // Бо венчык патрэбны: // Трэба брата жаніці, // Сястру замуж выдаці, // На белы камень стаці" (ФЭАБ; Куровщина Березовского р-на). В других свадебных песнях у птиц просят оповестить свежесведь о скором приезде невестки ("Полетэтэ, галонькі, // Понэсэтэ повесточку, // Шчо сын везэ нэвесточку, // Молодую деўчыноньку, // Чырвону, як калыноньку" (ФЭАБ; Логишин Пинского р-на)) либо птицы сами дают знать о начале определенных свадебных ритуалов, зовут главного его персонажа – невесту, например: "Ой, літылі гусонькі чэрэз сад, // Дай клікнулі Лідочку на посад. // За ёю матонька ступае, // Зелёную рутоньку збірае..." (ФЭАБ; Теребежов Столинского р-на).

Интересно, что в определенных коммуникативных ситуациях птицы и люди могли объединяться и вместе противопоставляться имплицитно присутствующему и наделенному полномочиями кары либо поощрения субъекту действия – сакральному адресату. В этом плане любопытны известная календарная поговорка, относящаяся к Благовещенью: "Птыца гнязда не в'е, дывіца касы не пляце" (ФЭАБ; Славное Кобринского р-на), поверье, что в Страстную пятницу вместе с людьми скорбит вся природа и затихают птицы. "Святые" птицы вместе с людьми радуются Воскресению Христовому: "Ластовкы прылытають после Пасхы, як вжэ батюшка скажэ: "Хрыстос Воскрес!", то вжэ воны прылытають, бо то, мусыць, святых птахы, кажуть, іх гнёзда ны можна бураты" (ФЭАБ; Старое Село Жабинковского р-на). Как поведение человека, так и представителей птичьего мира интерпретировалось с точки зрения нормативности/ненормативности, нарушение кодекса звукового поведения любым из них вносило дисбаланс в природную и общественную сферы. Как мы уже отмечали, очень популярны в славянском мире представления о птицах (кукушке, соловье), запевших раньше времени ("на голый лес"), как предзнаменовании голодного, неурожайного года, падежа скота (соответствующие материалы повсеместно фиксируются в Беларуси по сей день). Также бытуют запреты (в частности, на Могилевщине) начинать пение людям (особенно вблизи полей), пока "лес не оденется"; в Полесье запрещалось петь до Благовещения, иначе не оживет растительность. Исследователями фольклора неединожды указывалось, что энергия голоса людей и животных, птиц, имеет тождественное значение в плане воздействия на вегетацию культурных растений, плодovitость домашних животных, а значит ее распространение должно быть регламентировано.

Взаимоотношения птицы и человека, строятся, главным образом, на основе представлений о том, что каждый из этих партнеров по коммуникации должен соблюдать установленные правила и обязательства в отношении друг друга.

Происхождение птиц от людей

О нерелевантности для мифологического сознания резкого разделения и противопоставления сфер человеческого и птичьего свидетельствуют многие антропогонические и арниогонические легенды. Согласно довольно

многочисленным записям, в том числе современным, такие птицы, как кукушка, аист, ласточка, соловей и др., произошли от людей, причем важное значение может придаваться социальному статусу, свойствам человека, его одежде и др. Таким “человеческим” происхождением, как отмечалось выше, с ссылкой на авторитет традиции, аргументируется запрет убивать птиц, разрушать их гнезда. С целью подтверждения правила часто приводятся сюжетные повествования: «– А буськів, знаіш, іх нильзя забываты, бо гэто ж чоловік. Він став буськом, бо колысь, ек много всякіх гадыв було на зымлі, Бог собрав іх у горшэчок і прыніс, отдав чоловіковы, шоб заніс іх і кынув в болото. Сказав, шоб ны открывав, бо накажэ ёго. Чоловік послухав, лёг спаты, а ў ёго була жінка, і вэльмэ ж любопытна. Вона подпільновала ек він заснув і рышыла заглянуты, адкрыла, а воны ек попруть оттуда, вона ек закрычыць... Мужык вскочыў, а божэ ж мій, давай іх собыраты, а воны расповзаюця. Бог побачыў і кажэ: “– Я ж тобі казав ны открываты. А за тое, шо ны послухав, ты і твоя жінка будытэ іх собыраты, пока усі ны позбыраетэ”. Так і пырыкынув іх у бусльв. А шо чоловік був у білому споднёму і чорный світы, шо накынув, так і зробывся: грудына біла, а спына чорна» (ФЭАБ; Трилиски Ивановского р-на). Еще и сегодня бытуют легенды об апостоле Иоанне, который должен был бросить в море либо болото мешок с гадами, не заглядывая в него, но апостол нарушил запрет Бога, вследствие чего гады расползлись по земле. «І Вын [Бог] ёго в бусня прэвратіў: “Ты будэш вот это всё собэраты всю жізн, і твоі дыты!”» (ФЭАБ; Леплевка Брестского р-на). Подчеркнем, что метаморфоза человека в птицу обычно является формой его наказания за личный грех, невыполнение определенных правил и предписаний либо превращенный в птицу человек трактуется как жертва обстоятельств, колдовства, злых людей. Ярким примером сказанному может быть комплекс белорусских легенд и поверий, связанных с кукушкой. Характерно, что многие из них дожили до наших дней, это, среди прочего, объяснимо представлениями о необычной биологии птицы – не делает гнезда, не высиживает яиц, не кормит птенцов, предпочитает одиночество, хотя держится скрытно, но громко и вместе с тем жалостно кукует, в полете напоминает ястреба и т.д. Все эти особенности традиционное сознание возводило к необычному происхождению птицы. В этиологических легендах обычно раскрывается женская природа кукушки, происхождение которой связывается с матерью, женой, сестрой, дочерью и трактуется как результат нарушения семейных отношений¹⁷.

Довольно многочисленны записи (в том числе современные) легенд с мотивом превращения в кукушку матери непослушных детей. Так, рассказывают о трех сыновьях, тяжело больная мать которых просила принести воды. Но мальчики были заняты игрой в футбол. «Лэжала вона, лэжала, ждала нэ дождалась. Открыла вокэнэчко, вылэтіла сывэнькою зозулькою. І польтгіла, і лэтгіла над йімы... булыш до іх нэ прылытгіла». В варианте легенды возникает мотив, объясняющий особенности внешнего вида кукушки, в частности форму хвоста – перед тем, как улететь кукушкой от непослушных, не подавших воды детей, женщина привязала “да сябе доску, як хвосцьцік”¹⁸. Согласно другим легендам, также довольно широко

¹⁷ А. Боганева, Л. Салавей, *Зязюля*, [w:] *Міфалогія беларусаў*, Мińsk 2011, s. 196–197

¹⁸ *Традыцыйная мастацкая культура беларусаў*, у 6 т., т. 4: *Брэсцкае Палессе*, у 2 кн., кс. 2., Мińsk 2009, s. 420–421.

представленным в белорусской традиции, кукушка – это девушка, парня которой не взлюбили ее братья и превратили в ужа, а потом и вовсе убили его: «Хадзіў хлопец до дзеўчыны. Любіліся оні, а браці не хотелі, каб оні жаніліся і прэправілі ёго у вужа. А она пашла купацца... гэтая значыць дзеўчына. Ну раздзелася і položыла плацце там. Усё на беразе. А он прыпоўз і лёг на яе адзежу. Як ужо яна прыйшла, а он на адзежы лежа. А она боялася і не могла забраць свое плацце. А он гавора, каб яна не баялася яго. Он назваў як яго зваць, хто ён. І сказаў, каб она прыходзіла да яго сюды і казала: “Ку-ку-купін”, і он прыдзе да ее. Ну і так оні ходзілі. Але браці празналі пра іх, падсцераглі і яго убілі. Значыць. Еслі б оні яго не убілі, то цераз некалькі лет он бы прэўраціўся як быў. Як яго убілі, она стала зязюляю. То значыць з тых пор і кукуе зязюля: “Ку-ку-купін”. Гавораць, з тых лет і пайшла зязюля» (ФЭАБ; Лышцыцы Брестского р-на). В вариантах этой легенды повествуется о молодежи, которой довелось стать женой ужа и жить с ним счастливо до тех пор, пока вместе со своими детьми не погостила в отчем доме. Мать выдала тайну счастья дочери, рассказала об этом сыновьям, и те (либо сама мать) обманом вызвали из водоема ужа – мужа молодежи и убили его. При виде “крови і мяса пасечана” овдовевшая жена восклицает: “І на сына: – Ты едь соловейком шчэбэтаці, а ты леці плісочкою шчэбэтаці, – на дзеўчыну, – а я поеду зозулькою коваці”. Такие сюжеты о нарушении семейно-родственных связей, разбитом семейном счастье женщины ее родственниками, осиротившими ее детей, часто объясняют поведение кукушки, не высидивающей, а подкидывающей другим своих детей: “...А вона сама зозулею летае і кукае, і кукае... Вона сама не выводзіць дзецей, а подкідае”. Кукование часто трактуется как жалобный зов убитого мужа: “А зозуля всё врэм’я куе, шукае свойго мужыка”¹⁹. В связи с образом мужа-ужа, представленного в этиологических сюжетах о кукушке, интересно поверье жителей Брестчины, что уж весной “играет” с кукушкой, и это, среди прочего, указывает на связь кукушки с ттоническим миром, “гадами”.

В легендах на любовно-брачную тематику кукушкой может стать дочь, мать которой не взлюбила ее мужа (в отличие от предыдущих легенд, здесь отсутствует мотив заколдованного мужа-ужа): “Жэншчына была зазуля, да... Быв у ее мужык, называвса Якуб. Ну і знаеш, поссорыліся, ну і маті ейная зарубіла того мужыка... А як ужэ матэ ёго справіла с сьвету, так вона зрабілася зозулькою. І это летае по свете і гаворыць: “Якубку, Якубку...” Вона нэ куе “ку-ку”, але “Якубку, Якубку”. І вжэ з свое хаты як вылетела, то в ее зарэ нэма гнэздэчка... большынство вона нэсэцца в слов’інэ гнэздэчко. І вжэ соловэйко ее выседжае, і всё...” . Данная запись интересна тем, что прямо указывает на связь поведения кукушки, подкидывающей свои яйца в чужие гнезда, с тем, что женщина, превратившаяся в птицу, покинула свой дом. Мотив насильственной смерти супруга “кукушки-вдовы” в подобных контекстах может заменяться тем, что он утонул либо поехал на заработки и пропал, а “зозуля – удова, вона плачэ весь век”²⁰. Кукование, таким образом, интерпретируется народным сознанием как безутешный плач, причитание по утраченному близкому человеку.

Другая группа этиологических легенд о кукушке обыгрывает идею

¹⁹ Тамże, s. 425.

²⁰ Тамże, s. 425.

виновности самой женщины, которая в наказание за какой-либо проступок, грех превращается в птицу, обрекается на одиночество, бездетность и скитания. Это могут быть предательство (кукушка не имеет мужа, поскольку “своего человека продала. Ды зозуля беспарна”), нежелание высиживать птенцов (“Вона свое яйцы повыкідала із гнэзда. І вот ее Бог наказав, што вона едывнственная без дэтэй, і всё летае і кукуе”), часто из-за лени (“Усе яйца падкідвала вродзе бы з-за гультайства. Яна не хацела выводзіць сваіх дзяцей. Дык ад яе гэты Якуб ужо, кажуць, адказаўся”), безответственности, стремления к развлечению, праздности: “Маты от дэтэй ховалася. І сховалася. І кокушка дэтэй не мае. Яйца знэсэ, а сама полтытіла, бо йій нэма колы... Ну, вона от дйтэй втыкала, хотіла гуляты...”²¹.

Женщина, превращенная в кукушку, могла быть не только незаботливой матерью, но и жадной, злой, сжившей мужа со света женой или виновной в смерти брата сестрой. Например, рассказывают, что богатая сестра праздновала именины либо новоселье, а ее брат-нищий пришел просить подаяния. «Свірны ж там у яе багатыя стаяць, етак як с каморкі носіць ужэ ўсяго, і яна не бачыць. Гэты брат стаяў пры вушачку. А далей лёг на лаве й умер. Умер. І вот ета сястра як ужэ рано угледзела, дак яе пераўтварылі ў зязюлю. Яна лятае і кукуе. Ото шукае брата»²². В вариантах легенды бедный брат прокликает богатую, не желающую ему помогать сестру за потерю ключей от амбара либо в кукушку превращается сестра, убившая брата за то, что он потерял ключи. В таких легендах крик кукушки трактуется как сообщение, что “ключи нашлись”. Это сообщение на человеческом языке исходит от превращенной в птицу женщины и адресовано умершему брату. Мотив нарушения семейных отношений, норм традиционной морали, издевательств над родными людьми в таких контекстах может контаминироваться с мотивами поругания, пугания Бога, святых (Петра и Павла), подшучивания над ними, часто путем кукования из укрытия, например: «Яна вельмі свого мужыка біла, есці не давала... А ён пошов, пожаліўса Богу, шчо ну, жонка збыткуе з мэне. А Бог рэшчыў: пойду Я на ее накрычу... А яна вгледзела, шчо ідзе Бог, [і думае]: “Дай я захаваяюса, каб Ён не бачыў, бо будзе на мэне крычаць, ругацца...” А Бог жа ж бачыць, шчо яна захавалася, бо то ж Бог! А пройшов, будто б Ён яе не бачыў... а яна: “Ку-ку!” А Ён яе зробів зозулею, каб яна летала і куковала»²³. Согласно “народной Библии”, кукушка была лишена гнезда за то, что своим кукованием выдала преследователям Богородицу с Младенцем. Одиночество, бездомность, бездетность кукушки могут возводиться к проклятию Богом за нарушение запрета работать в праздник, но, согласно современным записям, наказывается уже не женщина, а птица, т.е. отсутствует мотив метаморфозы: “Кольсь на Благовішчэнне вона нэ послушала, звывла гныздо собі, а Господь нагнівався на йіі і сказаў: – Кілько ты будэш буты, то нэ будэш своїх дэток маты, ны гнызда выгы”²⁴; ср. актуализацию мотива бездеятельности как людей, так и птиц в этот праздник в приведенной выше паремии.

²¹ Tamže, s. 426, 424.

²² Tamže, s. 424.

²³ Tamže, s. 424.

²⁴ Tamže, s. 424-425.

Отметим также, что в текстах неказочной прозы мифологические существа типа ведьмы, смерти могут принимать облик птицы в результате оборотничества. В сказках птицы происходят от человека в результате колдовства.

Птица как податель детей, предсказатель их появления

Надовольно репрезентативном фольклорном материале реконструируются представления о птице-медиаторе не только как вестнике (о чем говорилось выше), но и подателе человеческих детей, трактуемых как дар природы. Для этих целей трудно найти более показательные данные, чем известные и по сей день в Беларуси и других странах Европы в качестве шуточных формулы типа «детей приносит аист». Они призваны объяснить детям факт их появления на свет («А как у вас объясняли детям, откуда они взялись? – Ну бусынь прыніс, у комын кынуў, кажуть, такіы замазаны був, помылы ёго – і став чыстынькый» (ФЭАБ; Еремичи Кобринского р-на)). Модель «подателями детей выступают птицы» в различных вариантах, по точным наблюдениям Л. Виноградовой²⁵, широко представлена в полесской традиционной культуре. В связи с темой данного исследования особенно интересны представления о том, что птица может принести детей в ответ на адресованную ей просьбу: “Колы добрэ бусла попросыты, то вун можэ дїтэй в хату прынысты” (ФЭАБ; Радеж Малоритского р-на).

Интересно, что многочисленные тексты не ограничиваются констатацией того, что птицы – представители природно-космического мира – просто приносят младенцев людям. Минимальные формулы “аист (ворона, журавль, ястреб и др.) принес” нередко сопровождаются уточнениями, что ребенок был извлечен птицей из воды, листьев, травы (ср.: “Буська з кубла выкынуў”) и покинут (обронен) в природном (как освоенном, так и не освоенном человеком) пространстве – “Бусел нясець ў клюви. Сел на болото и упустиў яго ў воду – я забрала”²⁶. Согласно кашубским записям, аист вытаскивает новорожденных младенцев из болота, моря (“первосубстанций”), он же бросает в дом лягушек (хтонических существ, имеющих мифопоэтическую связь с душами умерших людей и с маткой, которая может также считаться местом зарождения и проживания земноводных). Лягушки, пролетая в дымоходе, превращаются в грудных детей²⁷ – ср. кашубские фразеологизмы, относящиеся к периоду до рождения ребенка, когда он “еще с лягушками играл” или его “аист на хвосте носил”. В связи с рассматриваемыми сценариями взаимоотношений людей и птиц, в частности в аспекте опекунской функции вторых, интересны песни белорусов и украинцев, по которым рожденного на природе ребенка мать (часто жнея) оставляет на попечение птицам – своеобразным заместителям родителей, нянек.

Кроме того, что птица является подателем, “средством доставки” и “нянькой” ребенка (как законнорожденного, так и бастарда), она предвещает его появление в человеческом мире. Этот сценирий взаимоотношений “птица-человек” представлен в приметах типа “Калі каля хаты бусел звіў гняздо, то ў гэтай

²⁵ Л.Н. Виноградова, *Откуда берутся дети? Полесские формулы о происхождении детей*, [w:] *Славянский и балканский фольклор. Этнолингвистическое изучение Полесья*, Moskwa 1995, s. 173-187.

²⁶ Тамże, s. 182.

²⁷ Тамże, s. 174.

хаце будзе папаўненне” (ФЭАБ; Подгорная Барановичского р-на). Упомянутое выше кугукание совы на Полесье считается “предупредительным сигналом” того, что родится внебрачный ребенок, также как и крик кукушки (имеющей, по народным представлениям, безбрачный статус) около дома интерпретируется как известие о скором появлении в нем “байструка” (бастарда): «Як кукушка кукуе... прыйдэ до мэнэ на дэрэво, сядэ тут на мое, знай, шо дівка байструка зробіть, як шо е дівка в хаті. Як вжэ дэ в лісэ, нэдалёко кукуе, то гэто еі пыгають, а як куе... на дэрэво сядэ свое – знай, шо як дочка е, то будэ з байструком!» (ФЭАБ; Спорово Березовского р-на). Кстати, эта порвавшая связь с детьми птица приносит “человеческим” родителям печальную весть о том, что их повзрослевшие дети порвут с ними связь: “Кого кукушка, пролетая, обгадит, тот брошенный детьми будет” (ФЭАБ; г. Береза).

Неизбытность “птичьего в человеческом”

Искомой ценностью родильных ритуалов, как известно, является человеческий, т.е. социализированный ребенок. После рождения детей – пришельцев из природно-космического мира – посредством целого комплекса ритуалов старались возвести границу между природно-космическим, нечеловеческим, и человеческим, по возможности избавить всех новорожденных от “отприродных”, в том числе “птичьих” признаков (которые часто трактовались как детские болезни) и наделить признаками культурными, т.е. природных детей переделать (доделать) в человеческие. Социализация ребенка – дара природы, “доставленного птицей, – включала, среди прочего, возвращение его “отприродных” характеристик природным же существам, в наследство от которых он их получил, в частности ненормированный крик отдавался курам (= домовым духам, связанным с ночницами, появляющимися вместе с рождением ребенка). Соответственно, ритуальная терапия базировалась на идее символического раздела и обмена, перераспределения общей доли между человеком и “птичьим” партнером по коммуникации и нового утверждения сфер влияния²⁸. Отметим, что в наличии значительной аномативной “отприродной” компоненты у ребенка нередко винили его мать, которая, нарушив традиционные нормы, предписания и запреты, отправила (пусть даже непроизвольно, т.е. это не был посыл) неприемлемую для партнера птичьей природы информацию. Появление волосков, пятен (знаков) на теле ребенка часто понималось как результат несоблюдения беременной норм контактирования с домашними птицами, в частности курицей (ср. белорусское наименование детской болезни – “крылішчы”). Характерно, что куры – медиумы между мирами – фигурируют в лечебных ритуалах, направленных на удаление болезни в не-человеческий мир, возвращение ее “птичьим” хозяевам. В других лечебных заговорах птицы, говоря словами Ф. Скорины, держащиеся гнезд своих, являются образцом гармонизированного, здорового, тела человека, например: “Ишов Исус Христос через кленовый мост, золотой тросточкой опирался, тросточка зломалася, у раба божего (имя) кости восстановилися, сослетали орлы по своим гнёздышках, сойдуца косточки, жилочки и суставочки. Ни я помогаю, помогает Исус Христос своим

²⁸ Szerzej patrz: T. Walodźina, *Цела чалавека: слова, міф, рытуал*, Mińsk 2009, s. 294.

духом крестовым. Аминь” (ФЭАБ; Лясковичи Березовского р-на).

Характерно, что для комплекса родильной (как, кстати, и похоронной) обрядности и многих жанров фольклора реконструируются представления о неизбытности в человеке “птичьей” (шире – “отприродной”, иномирной) компоненты. Да и как же от нее избавиться, если птица и есть средоточие жизненной силы человека, его душа? В этом плане характерны представления, что ребенок в материнском чреве опасен для беременной, поскольку он забирает ее орнитоморфную душу. Согласно поверьям жителей польской Силезии, роженица во время родов лишается души, т. е. ее душу забирает ребенок. С целью компенсации недостачи предписывается сварить курицу или голубя и дать съесть роженице²⁹.

“Птичье” (шире – “отприродное”, зоодемоническое, “чужое”) мыслится в человеческом, “своем”, точно так же как и человеческое в “птичьем” (см. выше о человеке, превращенном в птицу; мстящих, ревнующих аистах, их семейственности и под.). Соответственно, даже “правильное” включение человеческого ребенка в этот мир, его перерождение и доделывание посредством комплекса ритуальных действий не исключают возможности актуализации/возвращения его “отприродных” данных. Причем это возвращение характерно не только периоду раннего детства (детские болезни типа “крылшч”), но и зрелости (хотя она наиболее близка понятию нормы). Другими словами, “отприродные”, в данном случае “птичьи”, признаки возвращаются в ситуациях демонизации, “одичания” (например, в результате проклятия) взрослого человека. Птичьи (шире – зооморфные) признаки, “проступающие по краям” человеческой личины, обычно отличают человека от не-человеческого существа (ср. птичьи лапы, хвост как показатели демонической сущности). Птицы, животные, бесы могут находиться и внутри человека, имеющего отклонения от нормы, “одержимого”. Они выдают свое присутствие, среди прочего, не-человеческим – птичьим – голосом. Так, согласно севернорусским свидетельствам, икота (кликушество) проявляется в том, что больной человек “поет петухом”. Возвращение человека в гармонизированное состояние, избавление его от порчи, воздействия демонических сил мыслится как извлечение из него перечисленных существ. Но всегда ли это так?

Птица-душа

Согласно ряду народных представлений, птица (реже – животное), находящаяся в теле человека, – это не что иное, как его душа. Естественно, что без такой птицы тело человека становится безжизненным. Выше уже упоминались польские представления о птице-душе, которую ребенок забирает у матери при рождении. Душа имеет “птичью” природу и в полесской быличке об упыре, ходившем ночью по домам и убивавшем спящих людей. Упырь засовывал в горло спящему руку по самый локоть и начинал колотить, добывая душу, и только на третий раз сумел душу “добыть” – “такую птичку, пташечку такую бильню, такую блискучую пташечку. А то душа была ёго”³⁰. В виде желтой птицы могла

²⁹ С.М. Толстая, *Славянские мифологические представления о душе*, [w:] *Славянский и балканский фольклор. Народная демонология*, Moskwa 2000, s. 68.

³⁰ Tamże, s. 71.

представляться и душа черта, например в сюжете о преследовании его Богом: Бог посылает молнию в желтого воробья – “это чортова душа сидзиць”³¹.

Из всех зооморфных образов и с рождением человека, и с моментом его смерти, и посмертного посещения живых чаще связаны именно птицы (о преобладании птиц и насекомых говорит и самый частый “предикат”, соотносимый с душами, расставшимися с телом, – они, как правило, летают)³². В самых различных фольклорно-мифологических традициях исследователями зафиксированы представления о “птичьем” облике духов умерших во время перехода между сферами мироздания и при появлении в человеческом мире, о вселении души умершего в птицу. Жительница д. Леплевка, похоронившая мужа, рассказывает о его душе-птице: “...после смерти прилетала, перед годовщиной. Она прямо в окно полетит, она не стучит. Она заглядывала в окно, птичка. Хвост длинный, красивый, клюв на сантиметров 5. Мы сами так с детьми решили, что это, может, наш папа, потому что месяц и даже больше она к нам в окно заглянет и всё прилетает” (ФЭАБ; Леплевка Брестского р-на). Посмертный облик, воплощение/вселение души часто зависят от праведности/греховности ее обладателя, при этом обычно “предпочтительно” “птичьё” существование души. Согласно верованиям, зафиксированным в Лунинецком районе, птичкой становится душа только праведного человека; “если Бог полюбит, то посылает его душу у хорошую птицу, лошадь, корову, а як Бог не полюбил – его ў собаку, у вредную корову”³³. Злые души, души умерших некрещеных детей летают в виде ночных птиц, а также показываются в виде черных ворон (“чистые” же души появляются как белые птицы).

В некоторых нарративах в образе птицы (или мыши) может совмещаться или смешиваться представление о душе и о смерти (душа-смерть), об этом свидетельствует появление птицы (или мыши) при умирающем до того, как наступила смерть, т. е. до выхода души из тела³⁴. В связи со сказанным интересны упомянутые выше и другие народные объяснения снов с образами птиц как предвестников смерти, а также совмещение представлений о крике/плаче птицы и вое собаки как знаменаниях смерти, например: “Калі чулувік балеет, і ноччу на яго забор сядыць птіца і будыць выты, як субака, тугды хучэй за всё чулувік пумрэ. Это-то правда, я на субі іспытала” (ФЭАБ; Колодно Каменецкого р-на). Вообще, плач приписывается птицам, которые связаны с душами умерших людей (чаще “нечистых” покойников), являются их ипостасями. Так, жительница д. Погубятичи Брестского района рассказывает о необычном месте в лесу, где “плачут” птицы, которые, видимо, воспринимаются как души когда-то захороненных здесь людей: “На кладбищах слишком много слез, рыданий, сильно много отрицательной энергии. Это такая зона с отрицательной энергией. Почему старые кладбища, мы же не знаем где когда-то, 100–200 лет назад, хоронили. А там же были деревни. Вот у нас Орховский лес. Там же раньше была деревня Орхово. А потом вот эти сады, семена сеялись-сеялись. Где раньше деревни были? Где вода текла, где влага, там

31 «Народная библия». Восточнославянские этимологические легенды, опрац. О.В. Белова, Moskwa 2004, s. 51.

32 С.М. Толстая, *Славянские...*, s. 76–77.

33 Там же, s. 72.

34 Там же, s. 77.

селились. Поэтому вырос лес. Заходишь в тот лес, кажется, километр туда. Иногда заблудишься так, будешь ходить кругами. У нас тут курганы еще есть шведов. Вот, бывает, в лес вхожу. И бывает, что кругами будешь ходить. Там бывают такие птицы, они как плачут. Вот если попадаешь два раза на одно и то же место, сразу читай молитву “Отче наш”. Снимай с себя, если в халате, халат, выворачивай наизнанку, одевай и дальше: “Боже, помоги выйти”. И всё» (ФЭАБ).

Встречаются верования, по которым душа может принимать предметный образ, так либо иначе связанный с орнитоморфным кодом культуры, например показываться в виде яйца. Предположительно, образ «души-яйца» коррелирует с представлениями о появлении людей из яиц. В связи со сказанным интересны легенды из Галиции о людях из яиц, которые после смерти обречены нести Ева³⁵, сказки о высиживании бабой или курицей сыновей из птичьих яиц и белорусские народные объяснения снов, согласно которым увиденное во сне яйцо предвещает женщине рождение дочери (ФЭАБ; Стайки Ивацевичского р-на). По мере десакрализации текстов с мотивами зачатия и рождения людей “предметные” образы переходили в детский фольклор, припевки типа: “Я не папина, я не мамина. // Я на улочке расла, // Меня курочька снесла” (ФЭАБ; Малеч Березовского р-на).

О преломлении архаической модели “птицы–люди” в песенном фольклоре

Верования о связи человека и птицы, мотивы о превращении человека в птицу находят преломление в различных жанрах песенного фольклора. Посредством актуализации образов птиц моделируются человеческие взаимоотношения, семейные отношения. В частности, в свадебных песнях птичья символика часто применяется в отношении жениха и невесты, а также других участников обряда: невеста – уточка, голубка, кукушечка, ласточка, галка, павушка и др., жених – сокол, орел, селезень, соловей, голубь; подруги невесты – лебедушки, галки, птушки; сваты, поезжане – вороны, сороки, стадо гусей, голубей, кукопатов; отец невесты – лебедь белый и т.д.

В высшей степени показателен в рассматриваемом плане такой персонаж, как кукушка. Упомянутые выше мифопоэтические представления о превращении женщины в кукушку, о ее вдовстве, сиротстве, одиночестве, обусловленном утратой родных, о связи этой птицы с тем светом, смертью, несчастьями, актуализируются в соответствии с определенными поэтическими законами в различных жанрах песенного фольклора. В балладах три кукушки – это женщины, утратившие соответственно сына, брата, мужа: “Ой, на горі церков стоїть, // Под церквою трава шумить, // А в той траве козак лежить, // Посечоний, порублєний, // Стрілоньками прострєлений. // Прылытіло тры зозулі, // Сілы вони, закувалы. // Одна сіла ў головцы, // Другая – в ножэньках, // А трэтя – на сэрэдэньковы. // У головонькі – то мамонька, // А в ножэньках – то сэстрыця, // На сэрэдэньку – то мілая. // Маты плачэ од віку до віку, // Сэстра плачэ од року до року, // А мілая – до обіду. // По обіды зов’ю вінок, // Зывышы вінок, пойду в таньць” (ФЭАБ; Плотница Столинского р-на). Известны также иные балладные сюжеты, в

³⁵ „Народная библия”..., s. 247.

которых метаморфоза женщины в кукушку происходит по воле самой женщины и связана с переживанием сильных эмоций негативного плана – тоска, ревность, растерянность и др. До наших дней дожила баллада с сюжетом “дочь-птица”, исполняя которою носители традиции сопереживают лирической героине, пение прерывается плачем: “Тычэ рэчэнька нэвэлічэнька, // Скочу-пэрэсочу. // Оддай жэ мэнэ, рудна мамочка, // За кого я схочу. // Маты оддала, // Шчэй наказвала: // – Сем год ны бுவаты, // Бо, як прыйдэш ты, моя дочэнька, // То й выжэну з хаты. // Одын год ны шла, другі год ны шла, // Трэітні ны стэрпіла, // Обырнула са шэрой зозулькой, // К роду політіла. // Лісом літіла – голле ломала // Білымы рукамы. // Подем літіла – поле кропыла // Гуркімы слэзамы. // Прылітіла ў сад, сіла на дубок // Стала куковаты. // Мамочка родна сьдыць кай окна, // Ручнык вышывае, // А молодшы брат стоіць кай стала, // Стрэльбу заражае. // – Дозволь, мамочка, дазволь рудная, // Ту зозульку ўбыты, // Бо вона куде, жалю надае – // Трудно пэрэжыты. // – Нэ позволю, сын, // Нэ позволю, муй, ту зозульку ўбыты. // Бо зозульцы туй, як мойей дочцы, на чужыні жыты» (ФЭАБ; Заборовцы Пинского р-на).

В «удовиных» песнях с кукушкой ассоциируется вдова, а ее дети – с обездоленными, недосмотренными птенцами кукушки: “Ой, там за горою // Буйный вітёр вье, // Там вдовонька // Пшэнычэньку сые. // Сые она, сые, // Так лёгэнько дэшэ, // Шчоб моя пшэнычэнька // Так густэнько взэшла. // Йшчэ вдовонька // Додому ны дошла, // Ужэ люды говорать: // Пшэнычэнька взэшла. // А шчэ вдовонька // На лаўку нэ сіла, // А люды говорать: // Пшэнычэнька поспіла. // Шла вдовонька // Пшэнычэньку глядітэ, // Там сыза зозуленька // Тай вывэла дітэ. // – Ой, дітэ, моі дітэ, // Кудэ мні вас дітэ? // Которэ вэлытылэ, // Тыі полытылэ, // Которэ малзі, // Тыі ўсыротілы. // – Ой, матэ, матэ, // Змылуйса над намэ, // Крылля подгодуем – // Польшымо самэ” (ФЭАБ; Кругель Каменецкого р-на). Кукушка может выступать природной параллелью матери рекрута: “Ой, в ныділю рано, в ныділю ранэнько // Ковала зозуля в саду жалобнэнько. // Ой, то ны зозуля, то рэкруцка маты, // Выражала сына до війська в солдаты. // – Я думала, сыну осенью жэныты, // А ты пішов, сыну, до війска службыты. // Я думала, сыну, нэвісточку взяты, // А ты пішов, сыну, до війска страдаты” (ФЭАБ; Малорита Брестской обл.). Образ кукушки возникает и в зачинах сиротских свадебных песен: “Ой, летіла зозуленька // Чэрэз круту гору. // Нэ выжала пшэнычэнькі, // Выжала полу. // – Ой, нашчо мні та полова, // Як зерна нэ мае, // Ой, нашчо мні жыть на свеце, // Як мамы нэ мае. // Всіх девчаток мама есця, // А я батька маю. // Сэм раз воду прыносяла // З тыхого Дунаю. // Сэм раз воду прыносяла, // Осьмы напылася, // Шчоб мнэ булла рудна маты, // Я нэ журылася б. // Ой, пойду я на могілку // Маменьку шукаты. // – Прыды, прыды, родна мамо, // Косу росчэсаты. // Прыды, прыды, родна мамо, // Косу росчэсаты, // Бо я буду в нэдыленьку // На шлюбу стояты. // – Іды, доню, додомоньку, // Сядай вэчэраты, // То я прыду по вэчэры // Косу росчэсаты. // Прышла доня додомоньку, // Села вэчэраты. // Ждала, ждала родну маму // Дай стала плакаты” (ФЭАБ; Спорово Березовского р-на). В песне о тяжелой жизни молодой невестки в доме свекровь обыгрывается мотив кукования кукушки как плача, жалоб: “...Сама рана устала, // Волікі пагнала. // Волікі пасучы, // Моцнэнька плакала. // Ехаў мой міленькі // З Польшчы, з Украіны,

// Пачуў галасочак // За 4 мілі. // – Калі зозюленька, // То прощу коваці, // Калі мая міла, // Пярэстань плакаці” (ФЭАБ; Тихны Березовского р-на).

Функционирование образа кукушки в зачине песен на любовно-брачную тематику, возможно, связано с приведенными выше верованиями, что появление, крик этой птицы около дома девушки предвещает скорый приход сватов: “Заковала зазуленька // В саду на пагосці. // Пръехалі до дзевчыны // Тры казака ў гасці. // Одын козак коня вэдэ, // Другі сядло вяжа, гэі, // Трэці стоіт под окенцом, // “Добры вечор”, – кажа, гэі. // Добры вечор, стара маці, // Дай воды напіцца, гэі, // Кажуць людзі, дочка гарна, // Дай хоць подзвіцца, гэі. // – Вода ў сенях, // Кружка ў хаце, // Ідзі дай напіся, гэі. // А ў святліцы дзеўка гарна, // Ідзі подзвіся, гэі. // – Вода ваша не халодна, // Пойду да крыніцы, // Дзеўка ваша не хароша, // Пойду до вдовіцы, гэі. // Бо ў вдовіцы дзве святліцы, // А ў дзеўчыны адна хата // І тая не прыбрата, гэі” (ФЭАБ; Тихны Березовского р-на). Интересны также преломления в поэтических жанрах представлений о том, што птица может не просто предсказывать важные события человеческой жизни, а инициировать их, реально воздействовать на жизнь и смерть человека, и здесь важна параллель брака и смерти в фольклорной картине мира. В связи с этим укажем на мотив белорусских причитаний матери по ребенку, которая вопрошает-упрекает кукушку за то, что она “выкуковала” ее дитя, обычно дочь. Этот же мотив обыгрывается в свадебных песнях, только девушка-невеста, “выкукованная” из родного дома, становится “находкой” для дома свекров, которые, естественно, “благодарны” птице за “выкуковывание в их дом работницы”: “У зялёным садзе // Зязюля кукавала. // Ой, там хадзіла // Ясенькава матка, // Зязюлю выхваляла: // – Бадай, бадай сівая, // Здарова кукавала – // Выкукавала, вышчабетала // У дом дамаўніцу, // На поле работніцу” (ФЭАБ; Гута Брестского р-на). Своеобразным партнером по коммуникации лирической героини, объектом этикетного обращения, кукушка выступает и в других песнях типа: “Ны кукуй, зозуленька, рано, // Я ж, молада, всю ночку ны спала, // Міленького з дорожэнькі ждала. // Мой міленькі пръехал так позна, // Пороскідав подушэчкі розно. // – На кого ты, мой міленькі, злуеш? // Чого моі подушэчкі псуеш? // Нэ рубав бы злёного дуба, // Нэ жэньвяс, колы я нэ люба» (ФЭАБ; Пересудовичи Березовского р-на). В таких контекстах образ кукушки коррелирует с тяжелой девичьей/женской долей, горем, печалью, отчужденностью в семье, что отсылает к приведенным выше этиологическим мотивам происхождения птицы от несчастной девушки/женщины.

В ряде песенных и других текстов уподобление человека птице (ее внешности, поведению) направлено на высмеивание, уничтожение первого, как в свадебных корильных песнях, например: “Ды казалі, наш малады // Вельмі харош. // Ажно ў яго доўгі нос, // Па яблычку вочкі, // Буслаў нос. // Ды насыпце яму канпель, // Няхай клое, як верабей. // Няхай скача, як белка, // Няхай плача, як дзеўка” (ФЭАБ; Нежихов Брагинского р-на). Названия птиц в многочисленных малых фольклорных текстах актуализируются для передачи физических свойств, особенностей характера, умственных способностей человека. В связи со сказанным характерны дразнилки, обращения к конкретному человеку, типа: “У чырвоных ботах // Ходзіць на балотах // Бусел даўганосы, // Жабы сабе носіць” (ФЭАБ; Оброво Ивацевичского р-на) (нами зафиксировано функционирование вариантов данного текста как детских загадок и “забавлянок”). Для описания физического

несовершенства человека образы птиц могут притягиваться не только в плане сравнения, но и в прямом смысле измерения степени этого несовершенства, как в припевке: “У майго мілёночка // Акуратненькій носок: // Восім курочок садітся, // А девятый – петушок!” (ФЭАБ; Снитово Ивановского р-на).

Известны и фольклорные тексты, где птицы, конкурируют с человеком за урожай, оцениваются как вредители и становятся объектами, которым человек угрожает расправой, как в песне: “Уладыўся варабей // Да нас у каноплі лэтаты // Ды каноплі кляваты. // Я ж яго і злавлю, // Крылья, пер’е ашчыплю. // Він нэ будэ лэтаты, // Маю канापельку кляваты” [ФЭАБ; Вельонь Брестского р-на]. Как указывалось выше, воробей – вредоносное существо – входит в ряд персонажей символического “кормления” – души предков, “природные духи”, вредоносные стихии и др., которые в довольно давней традиции приглашались на рождественский ужин, чтобы “потом (когда созреет зерно) не бывать”. Воробей, таким образом, выступает адресатом (объектом) отвращающего воздействия и в песнях, и в магических актах. На Брестчине колядники воробью грозят отрубить или припалить нос (чтобы не ел проса)³⁶, что, естественно, имеет апотропеическую, отгонную направленность. На Витебщине зафиксировано ритуально-магическое сжигание воробьев, имеющее целью их изгнание, изведение: воробьев под Новый год сжигают, бросают живьем в печь, чтобы летом они не ели в поле зерна³⁷.

Обычно образы птиц, отнесенных традиционным сознанием к категории “нехороших”, “нечистых”, “зловещих”, обыгрываются в песенных произведениях как символы горя, тоски, разлуки, смерти и под. Например, крик ворона, в актуальных верованиях трактуемый как зловещий знак, в подобном же ключе интерпретируется и в песенных текстах о смерти, предательстве, разлуке влюбленных, например: “Дошч ідэ, дошч ідэ, // А ворона крачэ, // Козак конька выдэ, // А дівчына плачэ. // – Ой ны плач, дівчына, // Мое сырдынятко, // Ой хотів бы тыбэ взяты, // Да нывольтыць батько...” (ФЭАБ; Молодово Ивановского р-на).

Негативное отношение к птицам, в первую очередь соотношенным в традиционной картине мира с демонической сферой, выявлено и в современном детском фольклоре, в частности детских “жестоких стишках” типа: “Маленький мальчик нашёл пулемёт, // Больше в деревне никто не живёт. // Только сидит на заборе ворона – // Жаль, на неё не хватило патрона” (ФЭАБ; Вельонь Брестского р-на). Впрочем, в подобных текстах люди не имеют какого-либо приритета-поблажки в сравнении с птицами, более того – на них “хватило патронов”.

Заключение

Изложенные выше наблюдения позволяют заключить, что круг представлений, связанный с различными сценариями взаимоотношений птиц и людей, составляет важнейший содержательный стержень всей традиционной культуры белорусов и включает множество архаических общеславянских черт. По разножанровым данным фольклора, до наших дней в живом бытовании (в частности, в Полесье) дожили реликты мифологических представлений о птицах

³⁶ А.В. Гура, *Символика...*, s. 113.

³⁷ Тамże, s. 105.

как воплощениях (форме, субстанции) душ, которые могут находиться как в этом, так и потустороннем мире, а также в теле человека; как объектах вселения человеческих душ; переносчиках младенцев из мира природно-космического в мир человеческий (или из потусторонней сферы в мир окружающей природы) и даже как биологических “родителей” (т.е. снесших яйца) и “няньках” человеческих детей. Сохранились также представления, что птичье живет в человеке, иногда проступая из-под его личины. Вместе с тем человеческое, личностное, имеющее внутреннюю способность вступать в отношения, не чуждо птичьей форме жизни, с которой на эколого-эмпатических, не-антропометрических началах представители традиционалистских культур считали необходимым вести живой диалог с целью преодоления энтропийности, разрешения широкого круга кризисных ситуаций³⁸.

Данные этого типа, представленные множеством диалектных форм и локальных вариантов, сохраняют наиболее значимые с мифологической точки зрения и очень устойчивые элементы архаической этнокультурной информации. В ее поле включены представления о постоянно действующей связи между мирами птиц и людей, о своеобразном диффузном взаимопроникновении, “взаимообратимости” человеческих и птичьих (шире – животных) форм жизни, что определяет поведение носителей традиции, живущих с постоянной оглядкой на такого значимого партнера по коммуникации, как птицы. Отношения между человеком и его “птичьим” партнером носили характер взаимозаинтересованности, эквивалентности, договоренности, строились по принципу “ответности” (функция безусловного вредительства птичьим персонажам практически не характерна, в отличие, например, от ряда демонов, что, вероятно, мотивирует большую степень свободы человека в отношениях человека с птицами, чем с теми же демонами). Поверья, реализующие различные сценарии взаимоотношений “птицы – люди”, выступают неотъемлемой частью календарных, хозяйственно-бытовых, семейных обрядов, коррелируют с представлениями о времени и пространстве, о явлениях природы (в первую очередь метеорологического характера), удачливости, счастье, богатстве, здоровье человека, о своеобразном контроле со стороны птиц за поведением человека. Эта контролирующая функция часто проявляется в рамках оппозиции “вредить – помогать”, когда птица (в частности, отнесенная к “чистым”) наносит ущерб человеку или награждает в зависимости от формы их взаимоотношений – соответствующей правилам коммуникации или нет. Таким образом, птицы редко бывают абсолютно вредоносными или абсолютно благотворительными по отношению к человеку. Птичьего партнера “добрым” (поддерживающим жизнедеятельность социума) либо “злым” (отвечающим неприемлемым для человека способом на его коммуникационную ошибку) часто делают качества самого человека, проявленные в его поведении как адресанта. Представленные дедуктивные построения, опирающиеся на анализ довольно широкого фольклорного материала, в том числе зафиксированного в начале 2000-х гг., позволяют заключить, что птицу и человека соединяет определенная коммуникативная интенция, которая в конечном счете непосредственно

³⁸ Szerzej patrz: И.А. Швед, *Архаическая модель «человек – не-человеческие формы жизни» и постгуманизм*, (w druku).

(например, правила) либо через прогноз (приметы, толкования снов) определяет поведение человека. Человек, вступая лицом-к-лицу в отношения с птицами, не может мыслить их не владеющими речью, словом и способностью понимать человеческое слово. На человеческом языке звучат вопросы и ответы, директивы и заклинания, исходящие, как от человека, так и не-человеческого коммуниканта. Между тем человеку при определенных обстоятельствах дано понимать речь птиц. В мифологической коммуникации между птицей и человеком слова и звуки, как одних, так и других, выполняют контактоустанавливающую, продуцирующую, превентивную и иные функции.

Между тем, ритуальные формы контактов человека с птицами могли существенно различаться, складываться в соответствии с представлениями о благосклонности либо злонамеренности (которые, как уже подчеркивалось, практически не бывают безусловными) появившихся в антропогенной среде птиц. В первом случае, чтобы обеспечить себе благополучие, человек стремится войти в контакт с птицей, используя различные коды (расположить, задобрить, поспособствовать гнездовью, оставить на определенный срок, попросить о чем-либо, призвать-доставить для участия в гаданиях, оказать услугу), а во втором – предотвратить или прекратить нежелательные контакты, непосредственно изгнать, избавиться при помощи определенных ритуалов. Причем нередко значение имел вид птиц, отнесенных в народной классификации к “добрым”, “чистым” либо “недобрым”, “нечистым”, “зловещим” (см. практику отгона кукующей кукушки от дома). В заключение отметим, что народная классификация мира птиц известна нам не только как результат научной рефлексии, но и непосредственно представлена в традиционных текстах, к примеру: «Умерла чэшча (тёща). Прішли дочка з зяцем да плачуць. Дочка мацерь называе ўсімі добрымі пташкамі: голубочка, ласточка, снічка... Дочка поголосіла дай кажэ на чоловіка: “Ідзі ты да поплач”. Подошоў зяць дай голосіць: “Ты мая ворона, сова, чапля...” Дочка подыходзіць дай пытае: “Шчо ты так гідко плачэш? А вон і кажэ: “Бо ты ж усе хоршыя імена пташок себе позабэрала, а мне адныя плохіе оставіла”” (ФЭАБ; Ольшаны Столинского р-на). Рассмотрение особенностей народной классификации мира птиц в белорусской традиции с учетом сценариев взаимоотношений птицы и человека может стать предметом специального исследования.

Streszczenie

Ptak i człowiek: pewne scenariusze wzajemnych stosunków w mitologiczno-poetyckiej tradycji Białorusinów (na tle ogólnosłowiańskim)

W artykule, na białoruskim materiale, pokazano, że człowiek w tradycjonalistycznej kulturze żył razem (we wszelkim znaczeniu tego słowa – zjednoczony, w kontakcie) z ptakami. Do naszych czasów zachowały się (szczególnie na Polesiu) relikty wyobrażeń o ptakach jako o: powstałych w rezultacie metamorfozy człowieka w ptaka; objawieniach (formą i treścią) dusz; obiektach wcielenia ludzkich dusz; przenoszących dzieci ze świata pozaziemskiego w ludzki; biologicznych rodzicach dzieci ludzkich wyklutych z jaj; istotach znajdujących się w ciele człowieka jako jego dusza; pośrednikach między człowiekiem a zaświatami, Bogiem lub siłą nieczystą; hipostazach kołduna, wiedźmy i innych demonów i in.

Summary

Bird and man: some scenarios of relations in the mythical and poetic traditions of Belarusians (in the Slavic context)

The article affirms in the Belarusians (Slavic) material that people of traditional culture lived together (in all senses of the word – ‘in the connection communication’) with birds. Relics representations of birds have survived (particularly in Polesie), such as: incarnations (form, substance) souls; objects in the universe of the human soul, and the carriers of children from the world of nature-space to the world of human; biological «parents» of human children, which go out of the eggs; creatures, in the human body as his soul or demonize illness or healer cleaner (snake); mediators between man and nature and the cosmic world, God or evil spirits; guises warlock, witch or «spoiled» their man, other demons, etc.

